

«Если нечетное, изменится; если четное, остается неизменным... Если нечетное, изменится; если четное, остается неизменным... — Сяо Чэн молча размышлял над так называемым секретным кодом Западного Ся. Он совершенно не понимал, что с этим делать. — Прошло много времени с тех пор, как вы получили доклад. Давайте послушаем ваши идеи».

Премьер-министр глубоко задумался. «„Нечетное“ и „четное“ – это противоположности. Если „Нечетное“ изменится, но, если „Четное“ неизменно... Я думаю, что это может быть намеком на то время, когда армия Западного Ся двинется на марш. В нечетные дни они идут, в четные дни они останавливаются».

Военный министр тщательно обдумал это. «Слово „изменится“ особенно спорно. Я думаю, что это может иметь отношение к изменению формации. Западное Ся может использовать изменяющийся строй, чтобы атаковать нашу армию».

Сяньма* наследного принца пробормотал себе под нос: «Теория четного и нечетного часто используется в математике. Возможно, это предложение намекает на некий математический закон».

[Примечание: ㄩ / хі́ǎпмǎ, хǐтǎ. 1) ист. Сяньма, сначала церемониймейстер, потом библиотекарь наследника престола, с дин. Хань до дин. Цин. 2) конюший наследника престола.]

Помощник министра доходов не мог с этим согласиться. Он с сомнением сказал: «Какое отношение математические законы имеют к маршу и сражениям?»

...

Они долго обсуждали. Каждая теория, которую они выдвигали, имела какой-то аспект, немного притянутый за уши. В конце концов, никто не мог полностью убедить других. Сяо Чэн спокойно наблюдал за спором министров, и когда они замолчали, он неторопливо спросил: «Вы закончили?»

Премьер-министр почтительно спросил: «Могу я спросить мнение наследного принца?»

Сяо Чэн медленно выпустил пар из своей чайной чашки и сказал: «Вы действительно верите утверждению Гу Фучжоу, что это закодированное сообщение от Западного Ся?»

Все в смятении посмотрели друг на друга. Ложь о военном положении была равносильна обману императора, что было серьезным преступлением. Учитывая личность генерала Гу, как он мог так поступить?

Военный министр неуверенно спросил: «Что имеет в виду Ваше высочество?»

Сяо Чэн поставил чашку с чаем и сказал: «За последние три месяца характер Гу Фучжоу сильно изменился. Его поведение и характер вызывают сомнения. Некоторое время назад он требовал возвращения в столицу, а сегодня он прислал непонятное зашифрованное сообщение Западного Ся. — Глаза Сяо Чэна слегка сузились, когда он продолжил: — Интересно, имеет ли это зашифрованное сообщение какое-то отношение к причине его возвращения в столицу».

Сяньма наследного принца сказал: «Теперь, когда Ваше высочество упомянул об этом, этот чиновник также считает, что в просьбе генерала Гу есть что-то странное. Если это сообщение „Если нечетное, изменится; если четное, остается неизменным“ действительно скрывает секретные военные планы Западного Ся, как мы могли бы „обнародовать“ его? Даже в столице – оплоте власти императора, неизбежно найдутся шпионы из враждебных стран. Генерал Гу просит нас сделать это, разве он не боится скосить траву и спугнуть змею?»

[Примечание: 踏草驚蛇 / dǎcǎo jīngshé. Косил траву, спугнул змею; обр. вспугнуть, насторожить, привлечь внимание (противника). Разворошить осиное гнездо. Неосторожным поступком навлекать на себя внимание противника; вспугнуть раньше времени]

Премьер-министр сказал: «В конце концов, генерал Гу – воин. Он жаждет победы. Неудивительно, что он допустил подобную оплошность. Ваше высочество, битва на северо-западе зашла в тупик. Я скорее поверю в достоверность закодированного сообщения, чем нет. Это секретное послание все еще нуждается в разгадке».

Губы Сяо Чэна насмешливо изогнулись.

«Естественно, оно должно быть расшифровано. В конце концов, мы тоже очень хотим знать, какое лекарство Гу Фучжоу продает в своей тыкве*. Но мы не будем делать это так, как хочет он. — Сяо Чэн немного подумал и сказал: — Об „обнародовании“ этого не может быть и речи. Идите и найдите ученых Императорской академии, и пусть они решат это в боковом зале дворца Циньчжэн. Они останутся там до тех пор, пока не разгадают код. Никто, не имеющий отношения к этому делу, не должен знать об этом зашифрованном сообщении, вы все понимаете?»

[Примечание: Узнать, что задумал Гу Фучжоу.]

Все ученые Императорской академии были редкими талантами со всей страны. Если они не смогут понять код, как обычные люди могли бы сделать это? Военный министр похвалил решение наследного принца: «Ваше высочество мудр».

На следующий день Императорская академия, расположенная у западных ворот дворцового комплекса, была пуста. Не было видно ни одного ученого. И, кроме них самих, никто не знал, чем они занимались. В Императорской лечебнице, расположенной напротив Императорской академии, все шло своим чередом.

Большинство людей, которые приходили в Императорскую лечебницу просить об услугах императорского лекаря, были служанками и евнухами из различных дворцов. Просто взглянув

на их одежду и осанку, вы уже могли определить статус их хозяина во дворце. Например, дворцовая служанка, которая пришла сегодня, ее одежда не была особенно роскошной, но у нее были естественные, уверенные манеры и изысканный темперамент. Евнухи Императорской лечебницы также были особенно дружелюбны к ней. Оказалось, что этим человеком была Лу Яо, служанка из дворца Фэньи.

Как только Лу Яо переступила порог Императорской лечебницы, Чу Чжэндэ встал и спросил: «Раз девушка Лу Яо пришла сюда, неужели Ее Величеству плохо? Позвольте мне убрать это, и я немедленно отправлюсь во дворец Фэньи».

«Нет необходимости утруждать себя, императорский лекарь Чу. — Среди множества дежурных императорских лекарей Лу Яо мгновенно заметила самого привлекательного. — Императрица специально попросила императорского лекаря Линь проверить ее пульс».

Голова Чу Чжэндэ резко повернулась, он посмотрел на Линь Цинью. Его борода тряслась от гнева, когда он сказал: «Он? Медицинский чиновник седьмого класса, который только что поступил на службу в Императорскую лечебницу? Как он может быть квалифицирован, чтобы заботиться о здоровье императрицы?!»

Линь Цинью бросил взгляд на Чу Чжэндэ и повесил свою аптечку на спину.

Безмозглый идиот. Императрица искала его не для проверки пульса. Если он правильно догадался, это должно быть связано с Лу Ваньчэном.

Лу Яо равнодушно сказала: «Я не знаю. Императорский лекарь Линь, пожалуйста, следуйте за мной во дворец Фэньи».

Чу Чжэндэ уставился в спину удаляющегося Линь Цинью, его борода почти дымилась от гнева. «Дерзкий сопляк!»

Линь Цинью прибыл во дворец Фэньи и засвидетельствовал свое почтение императрице. Он опустился на колени и уже собирался открыть аптечку, когда услышал, как императрица сказала: «Не нужно беспокоиться. Я искала тебя сегодня не для этого... Ты можешь подняться».

Линь Цинью встал, и императрица оглядела его с ног до головы. Она с удовлетворением сказала: «Ты хорошо выглядишь в этой официальной одежде».

Линь Цинью опустил глаза и сказал: «Императрица воздает чрезмерные похвалы».

«Как у тебя дела в Императорской лечебнице?»

«Неплохо. Спасибо за вашу заботу».

«Я видела предсмертное письмо* Ваньчэна. — Императрица выглядела расстроенной. — Все, что он писал, было о тебе. Он искренне умолял меня вернуть тебе свободу. Как его тетя, разве я могла отказаться? Конечно, ты тоже доказал, что вполне достоин этого. В противном случае ты не смог бы поступить в Императорскую лечебницу».

[Примечание: 遺書 / yíshū. Предсмертное письмо, предсмертная записка; завещание. Письмо или записка, оставленные человеком непосредственно перед смертью.]

У Линь Циньюй не было особого интереса к разговору с императрицей. Поэтому он просто стоял и ничего не говорил. Императрица вздохнула и сказала: «Ваньчэн, глядя вниз с Небес, должно быть, очень рад видеть тебя таким. Забудь о прошлом, прошло уже больше трех месяцев с тех пор, как Ваньчэн ушел».

Ресницы Линь Циньюй слегка дрогнули, когда он сказал: «Да. Через три дня будет сто дней».

«Жизнь летит так быстро. — Императрица печально сказала: — Я приказала зажечь для Ваньчэна неугасимые лампы в храме Чаншэн. Если у тебя есть время, сходи в храм и сожги для него немного благовоний».

Линь Циньюй отдал честь и сказал: «Этот чиновник должен поступить так, как предлагает Ее величество».

Два дня спустя в свой выходной день Линь Циньюй повел Хуань Туна в храм Чаншэн.

Был апрель, и мир был полон благоухания. Персиковые цветы горного храма начинали распускаться. С уходом марта долгая зима наконец закончилась. Это время в прошлом году также было временем, когда этот человек был так полон жизненных сил.

Мемориальная табличка Ваньчэна была установлена в боковом зале храма Чаншэн. Линь Циньюй зажег три палочки благовоний, позаимствовав огонь у неугасимой лампы. Он трижды поклонился, вознося свои молитвы, и поставил ароматические палочки перед табличкой.

«Императорский лекарь Линь».

Линь Циньюй обернулся и несколько не удивился, увидев посетителя: «Императорский телохранитель Шэнь».

Шэнь Хуайши все еще был одет в ту же черную одежду, с мечом на поясе. Когда он не был рядом с Сяо Чэном или во дворце, его, безусловно, можно было считать обладающим внушительной и впечатляющей внешностью.

«Императорский лекарь Линь, похоже, ожидал моего появления».

«Я только догадывался, что вы придете ко мне. Однако я не знал, что в поисках меня вы придете в Храм Чаншэн сегодня. — Линь Цинью спокойно сказал: — Похоже, что императорский телохранитель Шэнь следил за мной».

Шэнь Хуайши прошептал: «Это... это не мое желание, но во дворце неудобно разговаривать. Я могу только искать возможности снаружи. Мне очень жаль. — Он подошел к неугасимой лампаде, посмотрел на табличку Лу Ваньчэна и сказал: — Императорский лекарь Линь, трудно ли было преодолеть боль тяжелой утраты?»

«Все в порядке. Просто нужно найти что-то для себя».

Шэнь Хуайши огорченно вздохнул и сказал: «Если бы все были такими же непредубежденными, как императорский лекарь Линь, в мире не было бы так много страдающих влюбленных».

У Линь Цинью не хватило терпения «скорбеть по поводу ухода весны или грустить с приходом осени*» вместе с Шэнь Хуайши, поэтому он спросил: «Вы пришли ко мне из-за символа на моей аптечке?»

[Примечание: □□□□. Пролить слезы из-за смены времен года. Предаваться сантиментам, вести сентиментальные разговоры.]

Шэнь Хуайши кивнул.

«Это секретный код, о котором знают только люди из Врат Небесной Тюрьмы семьи Шэнь. Но теперь я единственный, кто остался от Врат Небесной Тюрьмы... — Кадык Шэнь Хуайши перекатился вверх-вниз. — Откуда императорский лекарь Линь знает об этом?»

Поскольку все это было спланировано Цзяном, ему не было необходимости скрывать: «Я не знаю. Этот ящик для лекарств подарил мне мой покойный муж».

«Молодой мастер Хоу? Как он... — Шэнь Хуайши нахмурился и на мгновение задумался. — Императорский лекарь Линь, где сейчас этот ящик?»

«Я практически постоянно ношу его с собой. Сейчас он в экипаже».

Линь Цинью попросил Хуань Туна принести аптечку. Шэнь Хуайши погладил пальцами эту странную отметину и спросил: «Императорский лекарь Линь, могу я разобрать коробку и посмотреть?»

Линь Цинюй на мгновение заколебался и сказал: «Делайте, как вам нужно».

Шэнь Хуайши осторожно достал все из ящика. После нескольких вспышек от его меча на поверхности аптечки из красного дерева появились бесчисленные трещины, и она с треском распахнулась.

Среди бесчисленных деревянных щепок обнаружилось что-то изумрудно-зеленое. Дыхание Шэнь Хуайши стало прерывистым, и он поднял изумрудно-зеленый предмет – это была нефритовая табличка с выгравированными на одной стороне словами «Небесная тюрьма».

«Как это возможно... — Шэнь Хуайши тихо пробормотал: — Когда кто-то из Врат Небесной Тюрьмы умирает, их нефритовые таблички также уничтожаются... Значит есть еще кто-то живой?»

Линь Цинюй сказал: «На обратной стороне нефритовой таблички есть строка из маленьких иероглифов». Судя по зарубкам от мелких иероглифов, их, должно быть, выгравировали недавно».

Шэнь Хуайши перевернул нефритовую табличку и прочитал вслух: «Сюйчжоу, Суйчэн*...»

[Примечание: Sui Cheng – Cheng – это город или город, поэтому это город Суй / город в Сюйчжоу.]

Линь Цинюй, казалось, погрузился в свои мысли. «Сюйчжоу?»

Цзян хотел привести Шэнь Хуайши в Сюйчжоу, чтобы найти владельца этой нефритовой таблички?

Линь Цинюй спросил: «Вы пойдете туда?»

Шэнь Хуайши не колебался с ответом: «Конечно!»

Линь Цинюй прошептал: «Вы теневой страж с впечатляющими способностями к боевым искусствам. Но ваш разум невинен, как у ребенка. Вы так доверяете моему покойному мужу?» — Он был из тех, кого другие водят за нос. Было понятно, как он может быть так влюблен и намертво привязан к Сяо Чэну. Цзян, вероятно, знал это, и именно поэтому он мог сделать что-то подобное.

Грудь Шэнь Хуайши яростно вздымалась и опускалась. Его глаза немного покраснели, когда он прошептал: «Пока есть хоть проблеск надежды, я обязательно...»

Линь Цинюй сказал: «Когда вы собираетесь уйти? Наследный принц отпустит вас?»

В глазах Шэнь Хуайши отразилось чувство потери, но оно быстро сменилось решимостью: «Я найду способ».

Врата Небесной тюрьмы... Он никогда раньше не слышал о них. Видя озабоченный вид Шэнь Хуайши, сейчас было неподходящее время для того, чтобы докапываться до сути дела.

Линь Циньюй сказал: «Если вы придумаете способ, дайте мне знать. Я тоже хочу поехать в Сюйчжоу, чтобы узнать, о чем думал мой покойный муж».

Шэнь Хуайши крепко сжал нефритовую табличку и хрипло произнес: «Хорошо».

К тому времени, когда Линь Циньюй вышел из храма Чаншэн, уже почти стемнело. Заходящее солнце окрасило небо языками пламени. Скоро, как только он догорит, этот день закончится. Он уже собирался сесть в экипаж, когда его остановил маленький монах: «Благодетель Линь».

Линь Циньюй вспомнил этого маленького монаха. В последний раз, когда он приходил в храм Чаншэн с Цзяном, именно этот монах пригласил Цзяна повидаться с Сюй Цзюньюанем.

Сюй Цзюньюань...

Сердце Линь Циньюй дрогнуло, и он спросил: «Меня ищет учитель нации?»

Маленький монах сказал: «Учитель нации все еще находится в уединении, и он никого не может видеть. Перед уединением он приказал мне передать кое-что благодетелю Линь, — сказав это, маленький монах достал из-за пазухи шелковый парчовый мешочек*. — Благодетель Линь, пожалуйста».

[Примечание: 包袱 / jǐnnáng. 1) парчовый мешочек для хранения ценных вещей или рукописей стихов; 2) обр. в знач.: сокровище поэзии, прекрасные стихи, вежл. Ваши стихи; 3) ценные советы.]

Линь Циньюй взял мешочек и открыл его. Внутри была записка с написанными на ней десятью иероглифами - восемь иероглифами чьего-то рождения и именем.

«Это...»

Глядя на знакомый почерк, глаза Линь Циньюй были немного сухими от ветра. Только что он смеялся над тем, что Шэнь Хуайши потерял контроль над своими эмоциями. Теперь дрожали его руки.

На девяносто девятый день после того, как этот человек ушел, он, наконец, узнал его имя.

Он не ожидал, что у этой постоянно недосыпающей соленой рыбы будет такое имя.

<http://bllate.org/book/15122/1336665>